

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВРЕМЯ В «МАКБЕТЕ»

На протяжении долгой театральной традиции режиссеры нередко урезали заключительные сцены, посвященные вторгшейся армии Макдональда, тем самым приглушая или выпуская важнейшую для Шекспира тему времени. В «Макбете» время – центральное понятие. Акцентирование темы времени в финальной речи Малькольма активизирует все заложенные в ходе пьесы отсылки ко времени – они и рассмотрены в этой статье.

Шекспир, «Макбет», время, Густав Шпет.

Начиная с первой строки пьесы, тема времени звучит постоянным фоном и в финале выходит на первый план. Бой Макбета с Макдуфом у Шекспира (в отличие от постановщиков) если не шел, то заканчивался за сценой: голову Макбета Макдуф должен был внести на сцену согласно шекспировской ремарке «Enter Macduff with Macbeth's head». Шекспир не дал финальной речи Макбету, и ее столь не хватало многим постановщикам и актерам, что они считали возможным компенсировать «упущение». Так, Дэвид Гаррикс «включал» пафос моралите: «Свершилось! Сцена жизни скоро закроется. Тщеславные грезы честолюбия уплыли, и вот я пробуждаюсь к тьме, вину и ужасу. – Я не могу подняться; я не смею просить о снисхождении; слишком поздно, ад тащит меня вниз; я погружаюсь, я погружаюсь; моя душа потеряна навеки! О!.. О!» (цит. по: [1, с. 393]). Мотив постановщиков очевиден – для них первостепенен Макбет.

Временная структура пьесы прочерчена четко. В первой строке вещи сестры договариваются о следующей встрече («When shall we three meet again?» 1.1.1), причем знают вполне определенно, что это случится до захода солнца («That will be ere the set of sun» 1.1.5), когда закончится битва («When the hurly-burly's done, / When the battle's lost, and won» 1.1.4). На вересковой пустоши («Upon the heath» 1.1.6) они подстерегут, перехватят на пути Макбета – «...meet with Macbeth» (1.1.7). Новое Арденновское издание отмечает, что в те времена фразовый глагол *meet with* означал *to attack, ambush, waylay* [5, 129]. В 1.3 это происходит – вещи сестры делают свои предсказания, и сразу после них Росс и Ангус приветствуют Макбета как Кавдорского тана. Сцены 1–3 первого акта составляют первый день пьесы.

Сцены 4–7 – день второй. В 1.4. Макбета за его боевые подвиги благодарит сам Дункан. В 1.5 леди Макбет читает послание мужа о предсказании вещей сестер и узнает, что Дункан к ночи будет у них. Все происходит настолько быстро, что мы привыкаем к темпу – не удивляемся, когда слышим, что посланный так торопился, что, задыхаясь до полусмерти, едва мог говорить. Отметим комментарий слуги, объясняющего удивленной леди (почему ей дает знать не

сам Макбет?) внезапность известия: «Our thane is coming. / One of my fellows had the speed of him, / Who, almost dead for breath, had scarcely more / Than would make up his message» 1.5.34-7).

Ко времени появления Макбета леди уже проявляет нетерпение устранить все, что отделяет мужа от желанной короны («All that impedes thee from the golden round» 1.5.28). В ходе чтения его письма (множественное число *letters* могло быть употреблено и в значении единственного) она утрачивает ощущение порядка времени: «Thy letters have transported me beyond / This ignorant present, and I feel now / The future in the instant» (1.5.56-8). Непростой для перевода момент – *ignorant present*. А. Кронеберг: «жалких настоящих дней» (*курсив мой*. – Л. Е.). С. Юрьев: «слепой минуты настоящей». Н. Кетчер: «ничего не ведающего настоящего». С. Соловьев: «Твое письмо перенесло меня / За грань ничтожных буден: в этот миг / Я будущим полна». Г. Шпет в ответе на критику Д. Мирского цитировал: «Письмо перенесло меня за грань / Ничтожных наших дней, и я теперь / Грядущее провижу» [1, с. 247]. В самом тексте перевода С. Соловьева и Г. Шпета звучит: «бесславных наших дней». По-видимому, настоящее воспринимается леди Макбет как недостаточное, не устраивающее ее, и будущее – как она узрела его – ей бы хотелось определить сугубо в согласии с собственным видением ситуации.

Банко в 1.3 дважды употребляет слово *rapt*, характеризующее состояние Макбета после встречи с вещими сестрами: «...great prediction <...> That he seems rapt withal» (1.3.55, 57. Соловьев: «Он восхищен»), «Look how our partner's rapt» (1.3.145. Соловьев: «Смотри – в восторге он»). И Макбет, и леди восхищены – подменяют настоящее несуществующим.

Пока Макбет был с Банко, казалось, он не был склонен к принятию убийственного решения: «If chance will have me king, why chance may crown me, / Without my stir» (1.3.146-7). У вполне однозначного начала (если случай/судьба хочет, чтобы я был королем, что же, пусть судьба коронует меня) – непростой для перевода конец. «Without my stir» у Юрьева – «а я

не шевельнусь», у Кронеберга – «Я ей (судьбе) не помогу». Слишком длинно получилось у А. Соколовского («Я не ударю пальцем / О палец для того») и Кетчера («пусть венчает меня без всякого с моей стороны содействия»). Соловьев: «Пускай судьба сама меня венчает, / Без моего вмешательства». Шпет: «Пускай судьба сама меня венчает, / Без помощи моей». Казалось, Макбет, укрывшись за пословицами, был намерен воздержаться от каких-либо действий: «Come what come may, / Time, and the hour, runs through the roughest day» (1.3.149-50). (Соловьев: «Что будет – будь; пусть свет меняет тень; / Часы бегут чрез самый бурный день». Шпет: «Что будет – будь; / И в темный день часы свой держат путь».)

Такое поведение – не для леди Макбет. Обратим внимание на шекспировское эхо. Последней фразой монолога, произнесенного по прочтению письма мужа, становится: «...the golden round, / Which fate and metaphysical aid doth seem / To have thee crowned withal» (1.5.29-30). (Соловьев: «Судьба и сверхъестественные силы / Тебя венчали...»). Она говорит об этом как совершенном действе – употребляет перфект (напомню, у Макбета было «why chance may crown me»). Здесь она еще использует *doth seem*, но в ее действиях уклончивости не будет – будет категоричность. Услышав, что Дункан прибывает сегодня и намерен покинуть их завтра, она недвусмысленно заявляет мужу: «O never / Shall sun that morrow see» (1.5.60-1). Ее заклятие осуществится – утром солнце так и не взойдет.

Готовясь к приему короля, леди просит мужа «обмануть время» – не привлекать внимание видом, не подobaющим празднику (времени), и принять соответствующее событие (времени) выражение лица: «...to beguile the time / Look like the time...» (1.5.63-4). (Шпет: «Чтоб век свой обмануть, / Равняйся по нему...»). Лозинский: «Чтобы все ошиблись, / Смотри, как все...».)

После разговора с женой (она весьма результативно «влила ему в уши свой дух» – «...pour my spirits in thine ears» 1.5.26) Макбет торопит время: ему хочется быстрее совершить убийство («'twere well / It were done quickly» 1.7.1-2), причем – без последствий («...that but this blow / Might be the be-all and the end-all...» 1.7.4-5), чтобы сразу перепрыгнуть в грядущее («...jump the life to come» 1.7.7).

Эхо, свидетельствующее о действенности ее внушений и увещаний, звучит в конце первого акта, когда обретший решимость Макбет изъявляет готовность вернуться в залу и продолжить представление, чтобы никто ничего не заподозрил, – «посмеяться над временем» (*beguile – mock* – вводит в заблуждение, обманывать): «Away, and mock the time with fairest show» (1.7.82). (Пастернак: «Вернемся в зал и замысел свой черный / Прикроем беззаботностью притворной». Лозинский: «Идем спокойно, ибо мир – протест. / И ложью лиц прикроем ложь сердце».)

А между тем к ночи в Инвернес прибыл Дункан. Был пир, за полночь начали расходиться, но еще долго не спали. С одной стороны, «кутили до вторых петухов» («were carousing till the second cock» 2.3.23-24), с другой – это была страшная, тревожная ночь (Old Man: «Treescore and ten I can remember well, / Within the volume of which time I have seen / Hours dreadful

and things strange; but this sore night / Hath trifled former knowings» 2.4.1-4).

Сцены 1–4 второго акта составляют день третий. Ранним утром торопится Макдуф, чтобы своевременно (*timely – early*) разбудить Дункана: «He did command me to call timely on him; / I have almost slipped the hour» (2.3.45-6).

С временного предположения начинается парадоксальная импровизация Макбета (парадокс предназначен для обмана, но, как часто случается у Макбета, это чистая правда): «Had I but died an hour before this chance, / I had lived a blessed time...» (2.3.92-3).

Представление Макбетов успешно разыграно – пока убийство сходит им с рук (в человеческом плане). Природу обмануть невозможно – она реагирует тотчас. День наступил, но так и не рассвело: «By th' clock 'tis day, / And yet dark night strangles the travelling lamp» (2.4.6-7).

Макбет не теряет ни минуты. Не успели бежать Малькольм и Доналбейн, как он организовал свое избрание и отправился в Скон быть коронованным: «He is already named, and gone to Scone / To be invested» (2.4.31-2). Распорядился он и телом Дункана – ему предстоит покоиться в Колм-Килле: «Carried to Colmekill, / The sacred storehouse of his predecessors / And guardian of their bones» (2.4.33-5).

Далее проходит время; согласно Шпету, это неделя или две [1, с. 396].

Сцены 1–5 третьего акта показывают нам четвертый день. Готовится новый великий пир – званый ужин («our great feast» 3.1.12; «solemn supper» 3.1.14). В первую ночь принимали Дункана. На этот раз главным гостем и жертвой предстоит стать Банко. До пира Банко вынужден отлучиться – «время зовет»: «...our time does call upon's» (3.1.36). Макбет снова произносит лживые, но истинные слова о желанности для него доброго совета Банко: «We should have else desired your good advice, / Which still hath been both grave and prosperous, / In this day's council...» (3.1.20-22).

И обдуманные, и мгновенные реакции Банко непревзойденны. В отличие от Макбета, он не только не теряется, услышав приветствия-предсказания вещих сестер, но тут же бросает им вызов: «If you can look into the seeds of time, / And say which grain will grow, and which will not...» (1.3.58-9). Он дает мудрую подсказку Макбету, к которой тот не прислушивается: «...oftentimes, to win us to our harm, / The instruments of darkness tell us truths, / Win us with honest trifles, to betray's / In deepest consequence» (1.3.125-8). Узнав об убийстве Дункана, Банко декларирует свою позицию верности Господу и государю: «In the great hand of God I stand, and thence / Against the undivulged pretence I fight / Of treasonous malice» (2.3.131-3). Его верность, царственность натуры («his royalty of nature» 3.1.49), бесстрашие («dauntless temper» 3.1.51), мудрость и благоразумие («a wisdom that doth guide his valour to act in safety» 3.1.52-3) страшат Макбета. Ненависть его к Банко находит выражение и во временных формулах: «...every minute of his being thrusts / Against my near'st of life...» (3.1.119-20).

Вопросы Макбета при отъезде Банко выдают его беспокойство упустить жертву: «Ride you this afternoon?», «Is't far you ride?», «Goes Fleance with you?».

Макбет вплотную займется приготовлением грядущего убийства отца и сына, а потому всех остальных распускает до ужина: «Let every man be master of his time / Till seven at night; to make society / The sweeter welcome, we will keep ourself / Till supper time alone» (3.1.40-3). Он успевает переговорить с двумя убийцами (на наших глазах), подготовить третьего (об этом узнаем позже).

Распоряжения Макбета продуманны и выверенны. Кто лучше его знает, когда и где засесть в засаде. Он рассчитал и время, и мгновение, и у него нет ни доли сомнения, что это должно быть сделано сегодня: «Within this hour at most, / I will advise you where to plant yourselves, / Acquaint you with the perfect spy o'th' time, / The moment on't – for't must be done tonight...» (3.1.130-3).

Конец первой сцены заканчивается еще одним пророчеством Макбета: «Banquo, the soul's flight/ If it find heaven, must find it out tonight» (3.1.143-4).

Во второй сцене Макбет думает о приближающемся убийстве – и в его придаточных времени появляются слова из лексикона вещей сестер, параллельные конструкции и звуковая игра их заклятий:

...ere the bat hath flown
His cloistered flight, ere to black Hecate's summons
The shard-born beetle, with his drowsy hums,
Hath rung night's yawning peal, there shall be done
A deed of dreadful note (3.2.41-5).

Он все сильнее погружается в темное, призывает на подмогу злое. Все откровеннее звучит нетерпение в ожидании наступления темноты:

Come, seeling night,
Scarf up the tender eye of pitiful day
And with thy bloody and invisible hand
Cancel and tear to pieces that great bond
Which keeps me pale. Light thickens,
And the crow makes wing to th' rooky wood.
Good things of day begin to droop and drowse,
Whiles night's black agents to their preys do rouse
(3.2.47-54).

В эту ночь все идет вопреки задуманному. Сначала Флинсу удается бежать – Макбет предельно циничен в анализе сложившейся ситуации: «There the grown serpent lies; the worm that's fled / Hath nature that in time will venom breed, / No teeth for th' present» (3.4.27-8).

Далее – более. Появление кровавого духа заставляет Макбета ощутить, как «время вышло из пазов». В старые времена («...когда закон / Людские общества не врачевал...» Шпет) события принимали, согласно Макбету, естественный порядок вещей: при пролитии крови, при совершении убийств человек умирал – и наступал конец:

Blood hath been shed ere now, i'th' olden time,
Ere humane statute purged the gentle weal;
Ay, and since too, murders have been performed
Too terrible for the ear. The times have been,
That when the brains were out, the man would die,
And there an end (3.4.73-78).

Теперь происходит невозможное. Убитый Банко ведет себя не так, как положено мертвецам. Он встает «в венце из двадцати убийств смертельных» (Шпет) и гонит с места заказавшего его убийство: «But now they rise again / With twenty mortal murders on their crowns, / And push us from our stools» (3.4.78-80).

Макбет хотел взять под контроль будущее, устраняя соперников, но время вносит свои изменения – настоящее принимает непредвиденные формы. Почему Макбету не удается произнести «Аминь»? Почему он «зарезал сон»? Отчего он только начинает тост за Банко, как тот является? Раньше обманы удавались Макбету, но теперь он в непритворном ужасе: «Hence, horrible shadow, / Unreal mockery, hence» (3.4.104-5). В переводе ближе всех к оригиналу подошел Кронеберг: «Прочь, тень ужасная! Прочь, ложный призрак!». Ср. Лозинский: «Прочь, ужасный призрак! Прочь, бредовая нежить!» Пастернак: «Ступай отсюда! Скройся, мертвый призрак!» У Шекспира это все тот же корень *mock* – *mockery*, которым Макбет хотел посмеяться над временем (*mock the time*). Теперь над Макбетом издевается выходящее за границы реального: *unreal mockery*. Реакцией Макбета будет не пересмотр прошлых решений и действий, но все более активное погружение в тиранию и убийство.

Гости распущены – хозяева остаются одни. «What is the night?» (3.4.124) – спрашивает Макбет, и в памяти встает вопрос о времени Банко: «How goes the night, boy?» (2.1.1). Ответ леди Макбет: «Almost at odds with morning, which is which» (3.4.125). Похоже, леди истощена. Похоже, ей хочется возвращения нормальной жизни, привычного порядка сна и бодрствования: «You lack the season of all nature, sleep» (3.4.139). Макбет соглашается отправиться в постель, но думает только об одном – на рассвете он отправится к вещим сестрам: «I will tomorrow, / And betimes I will, to the weird sisters» (3.4.130-1).

Геката уже знает об этом и отдает распоряжение ведьмам: «...in the pit of Acheron / Meet me i'th' morning; thither he / Will come, to know his destiny» (3.5.15-7). У Гекаты все строго упорядочено во времени: «Great business must be wrought ere noon» (3.5.22). Ее ритуалы подчинены иной логике, иным законам:

Upon the corner of the moon
There hangs a vaporous drop profound,
I'll catch it ere it come to ground;
And that, distilled by magic sleights,
Shall raise such artificial sprites,
As by the strength of their illusion,
Shall draw him on to his confusion (3.5.23-9).

И ведьмы заторопились – они снова задают ритм: «Come, let's make haste, she'll soon be back again» (3.5.37).

Шекспир на одну сцену – 3.6 – отвлекается от них, и эту сцену Шпет характеризует как «невозможное время» [1, с. 396]. Леннокс и Ангус (Леннокс и другой Лорд? – здесь возможны разные прочтения) обсуждают сложившуюся в стране ситуацию. К этому времени (в пьесе, конечно, невероятно быстро) они уже овладели двойным языком тирании. Ирония Леннокса сопоставима с злодействами Макбета:

The gracious Duncan
 Was pitied of Macbeth; marry, he was dead.
 And the right-valiant Banquo walked too late,
 Whom you may say, if't please you, Flince killed,
 For Fleance fled, men must not too late.
 Who cannot want the thought how monstrous
 It was for Malcolm and for Donalbain
 To kill their gracious father? Damned fact,
 How it did grieve Macbeth! Did he not straight,
 In pious rage, the two delinquents tear,
 That were the slaves of drink and thralls of sleep?
 Was not that nobly done? Ay, and wisely too:
 For 'twould have angered any heart alive
 To hear the men deny't it <...> (3.6.3-16).

День пятый. При встрече с ведьмами в 4.1. становится очевидным, насколько Макбет под властью злых сил. Сам способ рифмовки вторит заданному призраками. Обратим внимание на его ответ третьему видению, когда Макбет подхватывает строку и продолжает его рифмованные пентаметры, причем эхо становится продолжительным – отзывается на протяжении четырех куплетов:

3 APPARITION

Be lion-melted, proud, and take no care
 Who chafes who frets or where conspirers are.
 Macbeth shall never vanquished be, until
 Great Birnam Wood to high Dunsinane Hill
 Shall come against him.

MACBETH

That will never be.
 Who can impress the forest, bid the tree
 Unfix his earth-bound root? Sweet bodements, good.
 Rebellious dead, rise never till the Wood
 Of Birnam rise, and our high-placed Macbeth
 Shall live the lease of nature, pay his breath
 To time, and mortal custom. Yet my heart
 Throbs to know one thing: tell me, if your art
 Can tell so much shall Banquo's issue ever
 Reign in this kingdom?

ALL

Seek to know no more
 (4.1.89-102).

Все усилия Макбета управлять временем и событиями оказываются тщетными. Казалось бы, нет конца увиденной им линии престолонаследия, но это не останавливает его. Он жаждет действовать: «to crown my thoughts with acts». Убийство жены и детей Макдуфа следует незамедлительно (4.2. – Это сцена шестого дня). При пролитии моря крови ее оказывается все недостаточно: «I will have blood they say: blood will have blood» (3.4.120). Самовластное вторжение Макбета в линию престолонаследия будет устранено. Время возвращает все на круги своя, заботясь о нужных ему инструментах. Нам показано, как Макбет упустил сыновей Дункана, сына Банко, Макдуфа. Он упускает наследников престола, которые будут жестоко мстить за убитых отцов, поруганные семьи. Макбет надеется, что проживет отпущенное ему время – «срок обычных лет» (Лозинский), но его дыхание (*his breath to time*) оказывается не просто недолговечным, но у Шекспира – в отличие от хроники – заканчивается предельно скоро. Напомню, что историче-

ский Макбет правил с 1040 по 1057 годы. Действие трагедии развивается, как отметил Шпет, в течение девяти дней с промежутками [1, с. 396].

Между шестым и седьмым днями снова проходит время; по мнению Шпета, «промежуток в неделю или две» [1, с. 396]. Действие из Шотландии переносится в Англию (от Макбета – к Малькольму и Макдуфу). Сцены 4.3 и 5.1 показывают день седьмой. Темп времени, казалось, мог бы замедлиться. Малькольм не спешит – ждет благоприятного момента: «as I shall find the time to friend» (4.3.10). Время торопит Макдуф, ибо он насмотрелся горя, наслушался рыданий овдовевших и плача ставших сиротами: «Each new morn / New widows howl, new orphans cry, new sorrows / Strike heaven on the face...» (4.3.4-5).

Наконец, время настало. Войска готовы: «...our power is ready» (4.3.239). «Макбет / Созрел, – пора снять плод» (Шпет): «Macbeth / Is ripe for shaking» (4.3.239-40). Как орудие его уничтожения готов Макдуф – само небо позаботилось об этом: «...the powers above / Put on their instrument» (4.3.241-2).

В последнем акте (день восьмой отражен в 5.2-3, день девятый – 5.4-8) мы видим организованный порядок в стане Малькольма и его английских союзников (затем к ним присоединяются шотландцы). У Макбета отношения со временем становятся все более и более разлаженными. Он торопит битву, несколько раз требует доспехи. Макбет нервно энергичен и – внутренне истощен. Он ясно осознает, что жизнь проходит (Лозинский: «...мой путь земной / Сошел под сень сухих и желтых листьев»), настоящее и завидное будущее он упустил (Лозинский: «Почет, любовь, вниманье, круг друзей...»). Обратим внимание не только на этот прекрасный (традиционно много цитируемый) монолог, но и на его окружение, в частности – трехкратное обращение к Сейтону. Мнения исследователей расходятся, произносилось ли это имя как Сатана (Seyton – Satan) [5, с. 280]. Узрение здесь каламбура мне представляется вполне вероятным.

Seyton, I am sick at heart,
 When I behold – Seyton, I say – this push
 Will cheer me ever, or dissect me now.
 I have lived long enough: my way of life
 Is fallen into the sere, the yellow leaf,
 And that which should accompany old age,
 As honour, love, obedience, troops of friends,
 I must not look to have; but in their stead,
 Curses not loud but deep mouth-honour, breath
 Which the poor heart would fain deny, and dare not.
 Seyton? (5.3.19-29)

Даже смерть некогда любимой жены воспринята им вне временного порядка: «She should have died hereafter».

В финале он побежден Макдуфом – человеком, которого безвременно/преждевременно достали из чрева матери – «untimely ripped». Пьеса заканчивается указанием на то, что победители восстанавливают порядок, в том числе и временной – и это акцентируется. Внося проклятую голову узурпатора, Макдуф сообщает о том, что время свободно («...the time is free» 5.9.21). Звучат традиционные приветствия

(«Hail, King of Scotland. Hail, King of Scotland» 5.9.25), и память неизбежно возвращается к началу пьесы, когда был казнен Кавдор, а приветствия Макбету звучали не менее торжественно. В финальной сцене узнаваемы приметы начала пьесы, и трудно избавиться от ощущения, что начинается очередной виток времени – события повторяются: тиран казнен – приходит новый правитель...

Эту максимальную закольцованность пьесы (Аллен называет пьесу «most circular and self-contained» [4, с. 9]) некоторые режиссеры подчеркивают вводимой ими сценой появления вешних сестер. Любопытную в этом плане концовку предложил Роман Полански в 1971 году. У него в эпилоге к логову ведьм направляется Доналбейн, младший сын Дункана. Начало нового витка братоубийственной войны более чем вероятно. Сначала были мужи – Макбет и Дункан. Настало время сыновей – Доналбейна и Малькольма.

У Шекспира Малькольм звучит как человек, знающий цену времени: «We shall not spend a large expense of time / Before we reckon with your several loves / And make us even with you» (5.9.26-8).

Он производит впечатление правителя, хорошо знающего, что «надлежит со временем взрастить». У Шекспира формула «...would be planted newly with the time...» (5.9.31) вызывает в памяти обещание его отца Макбету: «I have begun to plant thee, and will labour / To make thee full of growing» (1.4.28-9) и – «seeds of time» Банко (1.3.58-9), положившие начало этому мотиву. Увы, возвращение Макбета закончи-

лось не добрым плодоношением, но выродилось в тиранию, так что страдала вся страна. Новый правитель обещает с помощью Божьей действовать в соответствии с мерой, временем, местом: «...by the grace of grace, / We will perform in measure, time and place» 5.9.38-9).

Верим ли мы очередной риторике? Мы воспринимаем ее как конец представления, и Шекспир подерживает наши ощущения: «So thanks to all at once, and to each one, / Whom we invite to see us crowned at Scone» (5.9.40-1). На очереди следующий спектакль... Настоящий шекспировский конец.

Литература

1. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедриной. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – 760 с.

2. Шекспир, У. Макбет / У. Шекспир; пер. А.И. Кроненберга // Шекспир У. Трагедии / сост., подгот. текста, коммент. и общ. ред. Р.В. Грищенко. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – С. 817–912.

3. Шекспир, Уильям. Макбет: великие трагедии в русских переводах / Уильям Шекспир; под общ. ред. И.О. Шайтанова; [пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака]; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – Москва: ПРОЗАИК, 2015. – 431 с.

4. Allen, M.J.B. Toys, prologues and the Great Amiss: Shakespeare's tragic openings / M.J.B. Allen // *Shakespearean Tragedy. Stratford-upon-Avon Studies*. – 1984. – № 20 – Pp. 3–30.

5. Shakespeare, W. *Macbeth* / W. Shakespeare; edited by Sandra Clark and Pamela Mason. – Bloomsbury Arden Shakespeare, 2015. – 381 p.

Рецензент – С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ.

L.V. Yegorova

TIME IN *MACBETH*

The long theatrical history of cuts to the final scenes of *Macbeth* (devoted to the invading army) implies dissatisfaction of directors with Shakespeare's dramatic closure. As a result, the directors diminished or denied the all-pervasive theme of time and its vital importance to the playwright. The article demonstrates how time references permeate the play, in particular in respect of the last speech and its foregrounded meaning.

William Shakespeare, *Macbeth*, time, Gustav Shpet.